

На правах рукописи

Куприянов Илья Сергеевич

**БЫТОВАЯ КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ**

(На материалах исследований в Ивановской области)

Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Нижний Новгород – 2011

Работа выполнена на кафедре социологии Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина

Научный руководитель: доктор социологических наук,
профессор **Мягков Александр Юрьевич**

Официальные оппоненты: доктор социологических наук,
профессор **Воронин Геннадий Леонидович**

кандидат социологических наук,
Овчинников Сергей Николаевич

Ведущая организация: Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2011 г. в __ часов на заседании Диссертационного совета Д. 212.166.14 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» (ННГУ) по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале фундаментальной библиотеки Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, к. 1.

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат социологических наук, доцент

Е.Е. Кутявина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется:

– *высокой социальной опасностью коррупции, крайней агрессивностью российской коррупционной системы*, которая стагнирует модернизационные процессы, разрушает социальные связи и отношения, уродливо трансформирует социальную структуру, мешает становлению социальной справедливости и, в конечном счете, сдерживает экономический рост государства;

– *чрезвычайно широкими масштабами распространения бытовой коррупции в нашей стране, ее активной институциональной экспансией в различные сферы и институты современного российского общества*. Согласно опросам «Transparency International», Индекс восприятия коррупции (ИВК), ранжирующий страны по степени ее распространенности от 10 баллов (коррупция практически отсутствует) до 0 (очень высокий уровень коррупции), в России в течение последних десяти лет не превышал 2,8 баллов. В 2010 г. он составил 2,6 балла, вследствие чего наша страна разделила 154-е место (из 178 представленных в рейтинге) по уровню взяточничества с такими государствами как Кения, Камбоджа, Папуа – Новая Гвинея и Таджикистан¹. По оценкам специалистов, коррупция в России сегодня превратилась из частной преступной практики в самовоспроизводящуюся социальную систему со стабильным набором норм поведения и устойчивыми социальными ролями, закрепляющими коррупционные отношения²;

– *слабой изученностью бытовой коррупции, явной недооценкой данной проблемы в современной социологии*. На протяжении многих лет социологи главное внимание уделяли анализу верхушечной и деловой коррупции, в то время как бытовая коррупция была отодвинута на периферию научных исследований. По образному замечанию Г.А. Сатарова, она и по сей день остается «забытой Золушкой» в российском общественном сознании³. Между тем бытовая коррупция питает деловую и административную, охватывает огромные массы населения. Нельзя победить крупную коррупцию, не искоренив бытовую. Поэтому ее изучение должно стать приоритетным направлением исследований современной социологической науки.

Степень научной разработанности проблемы. В современных исследованиях коррупции можно выделить три основных подхода: криминологический, социально-экономический и социологический.

Криминологи, делая акцент на факте преступления, рассматривают коррупцию как совокупность преступных деяний, совершаемых конкретными лицами, и анали-

¹ См.: Индекс восприятия коррупции 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.transparency.ru>>.

² См.: *Алексеев С.В.* Коррупция в переходном обществе: Социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2008. С. 28.

³ См.: *Сатаров Г.А.* Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Научно-практическая конференция «Социология коррупции» (Москва, 20 марта 2003 г.). М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 96.

зируют этот феномен в категориях «противоправности» и «общественной опасности». Данный подход отчетливо прослеживается в работах Б.В. Волженкина, Я.И. Гилинского, А.И. Кирпичникова, В.Н. Кудрявцева, С.В. Максимова и др., в которых исследовались вопросы, связанные с определением понятий «преступление» и «коррупция», выявлением основных видов и механизмов коррупции с точки зрения правовых институтов, проанализировано антикоррупционное законодательство¹.

Социально-экономический подход связывает коррупцию с понятиями теневой экономики, неформальных институций, транзакционных издержек и рассматривает ее как разновидность экономического поведения, целью которого является максимизация полезности, а средством – извлечение непроизводительного дохода за счет манипуляции ресурсами, находящимися в распоряжении должностных лиц. Поведение взяточдателя и взякополучателя трактуется здесь как рациональный расчет выгод и потерь. Данный подход, сложившийся главным образом благодаря трудам С. Роуз-Аккерман², получил дальнейшее развитие в работах многих исследователей (А. Аслунд, П. Бардхан, Р. Вишны, Е. Кац, М. Олсон, А. Шлейфер, А. Хиллман и др.³).

Начало *социологического подхода* обычно связывают со знаменитой книгой С. Алата «Социология коррупции» (1968 г.)⁴. В нашей науке он намечился еще в 1960-е гг. в рамках социологии социального контроля и девиантного поведения, но окончательно институционализировался лишь в 1990-е – 2000-е гг. В работах С.В. Алексеева, С.В. Бондаренко, В.Л. Римского, Г.А. Сатарова, и др.⁵ убедительно показано, что в современном российском обществе коррупция – не просто

¹ См., напр.: *Волженкин Б.В.* Коррупция. СПб: Логос, 1998; *Гилинский Я.И.* Коррупция // Я.И. Гилинский // Криминология: Курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 233–242; *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 2007; *Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева.* М.: Юрист, 2004; *Максимов С.В.* Коррупция. Закон. Ответственность. М.: Учебно-консульт. центр «ЮрИнфоР», 2006.

² См.: *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы: пер. с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос, 2003.

³ См., напр.: *Аслунд А.* «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 26–35; *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998; *Bardhan P.* Corruption and development: A review of issues // Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 35. № 3. P. 1320–1346; *Hillman L., Katz E.* Hierarchical structure and the social costs of bribes and transfers // Journal of Public Economics. 1987. Vol. 34. № 2. P. 129–142; *Shleifer A., Vishny R.* Corruption // Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. № 3. P. 599–617.

⁴ См.: *Alatas S.* The Sociology of Corruption: The Nature, Function, Causes and Prevention of Corruption. Singapore: Donald Moore Press Ltd., 1968.

⁵ См., напр.: *Алексеев С.В.* Коррупция: Социологический анализ. Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008; *Бондаренко С.В.* Коррупцированные общества. М.: РосИздат, 2002; *Римский В.Л.* Коррупция как системная проблема российского общества и государства // Научно-практическая конференция «Социология коррупции» (Москва, 20 марта 2003 г.). М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 94–99.

совокупность частных криминальных деяний, совершаемых отдельными чиновниками, а системное социальное явление.

Различные подходы к классификации коррупции, ее типологические и видовые характеристики подробно описаны в трудах В.И. Добренькова, Н.Р. Исправниковой, А.И. Кирпичникова, Э.Н. Ожиганова и др.¹

Вопросы борьбы с коррупцией в нашей стране, выработки государственной антикоррупционной политики рассматриваются в публикациях В.В. Астанина, Н.А. Ахметовой, И.Л. Недяк, Е.В. Охотского и др.²

Важным направлением в деятельности социологов является разработка методологических и методических проблем измерения коррупции. Однако исследования, проводимые в этом русле, пока еще малочисленны. Из зарубежных специалистов наибольший вклад в создание измерительных методик коррупции внесли исследователи международных организаций Transparency International и The World Bank³.

В России разработкой методологии измерения коррупции наиболее активно и плодотворно занимаются ученые Фонда ИНДЕМ под руководством Г.А. Сатарова⁴, а также И.И. Елисеева, А.Н. Щирина⁵ и др.

Экономико-математический подход к измерению коррупции и оценке эффективности антикоррупционных мер, заложенный М. Сесновицем и Г. Беккером⁶, в нашей стране получил дальнейшее развитие в работах Р.И. Маликова, А.В. Шмакова и др.⁷

¹ См.: Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: Современные подходы к исследованию: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма матер, 2009; Ожиганов Э.Н. Понятие и структура коррупции: Сравнительный уровень коррупции в Российской Федерации // Социология власти. 1999. №1. С. 60–66.

² См., напр.: Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: Криминологические аспекты. М.: Юнити, 2009; Ахметова Н. Международный опыт противодействия коррупции // Власть. 2009. № 12. С. 73–75; Недяк И.Л. Маркетинговые стратегии противодействия коррупции // Власть. 2009. № 10. С. 86–89. Охотский Е.В. Коррупция: Сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 25–33.

³ См.: Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Measuring Governance Using Cross-Country Perceptions Data // International Handbook on the Economics of Corruption / Ed. by S. Rose-Ackerman. Northampton, Mass.: Edward Edgar Publ. Ltd., 2006. P. 52–104.

⁴ См.: Сатаров Г.А. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 5–11.

⁵ См.: Елисеева И.И., Щирина А.Н. Возможные подходы к измерению объема коррупционного рынка // Вопросы статистики. 2009. № 6. С. 23–29.

⁶ См.: Sesnowitz M. Return to Burglary // Western Economic Journal. 1972. Vol. 10. № 4. P. 477–481; Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment / Ed. by G. Becker, W. Landes, N.Y., 1974. P. 1–67.

⁷ См., напр.: Маликов Р.И. Институциональная коррупция в России: Методология анализа // Общество и экономика. 2005. №1. С. 193–218; Шмаков А.В. Коррупция в высших образовательных учреждениях: Экономико-юридический подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 45–50.

Общенациональные опросные исследования, посвященные различным аспектам проблемы коррупции в России, в последние годы регулярно проводят крупные социологические центры, и в частности, ВЦИОМ, «Левада-Центр», ФОМ и другие¹.

Активная работа по изучению коррупции ведется сегодня и региональными исследовательскими организациями. Только за последние несколько лет масштабные эмпирические исследования были предприняты в республиках Татарстан (А.Л. Салагаев, А.Ю. Коннов), Северная Осетия-Алания, (Х.В. Дзуцев, З.Б. Дзодзиева), а также в Нижегородской (С.С. Балабанов, Г.Л. Воронин), Тверской (рук. Н.В. Смирнов), Мурманской (рук. Х.В. Дзуцев и др.) областях.

Проблемы коррупции были предметом активного обсуждения на целом ряде специализированных научных конференций, в том числе на заседаниях III Всероссийского социологического Конгресса.

За последние десять лет в России по исследуемой тематике, по нашим подсчетам, было защищено свыше 50 диссертационных исследований, в которых проблема коррупции рассматривалась с разных позиций – исторических, философских, политологических, правовых, экономических. Ряд работ посвящен социологическим аспектам данного феномена. Однако лишь в двух из них (диссертации А.Ю. Коннова и З.Б. Дзодзиевой) имеются самостоятельные главы или параграфы, написанные на материалах эмпирических исследований *бытовой* коррупции².

В целом же следует заметить, что трудов, посвященных анализу *этой* разновидности коррупции, в нашей литературе до сих пор явно недостаточно. Прикладные социологические исследования по оценке уровней бытовой коррупции и эффективности антикоррупционных мероприятий в конкретных регионах России по-прежнему единичны.

Целью данной диссертационной работы является анализ современного состояния и динамики бытовой коррупции в Российской Федерации на примере одного из субъектов – Ивановской области.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решались следующие **основные задачи:**

- концептуализировать понятие «коррупция», проанализировать основные подходы к ее определению;
- исследовать социальную природу бытовой коррупции и причины ее возникновения, описать основные модели коррупционного поведения;
- систематизировать важнейшие методические подходы к измерению коррупции, сложившиеся в зарубежной и отечественной исследовательской практике;

¹ См., напр.: Уровень коррупции в России и перспективы борьбы с ней // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 56; Взятки в повседневной жизни: Опыт и отношение // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 57.

² См.: Коннов А.Ю. Коррупция в органах государственной власти: Теория, практика и механизмы антикоррупционной политики (На материалах РТ): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005; Дзодзиева З.Б. Коррупция как социальное и экономическое явление: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Владикавказ, 2006.

- разработать и апробировать систему концептуальных и эмпирических индикаторов для фиксации и измерения бытовой коррупции в социологических исследованиях;
- измерить общий уровень бытовой коррупции в Ивановской области и масштабы ее распространения в различных социально-экономических институтах и учреждениях, оценить объем коррупционного рынка в регионе;
- выявить региональную специфику бытовой коррупции в области;
- проанализировать динамику основных показателей коррупционного поведения населения за последние годы;
- выяснить особенности обыденных интерпретаций коррупции, измерить антикоррупционные установки граждан;
- дать количественную оценку эффективности антикоррупционной политики в регионе.

Объект исследования – бытовая коррупция как социальное явление.

Предмет исследования – сущность, структура, масштабы распространения и основные тенденции динамики бытовой коррупции в современной России на примере Ивановской области.

Теоретико-методологическая база исследования. Диссертация продолжает социологическую традицию в изучении коррупции. Представленный в работе концептуально-теоретический анализ исследуемого феномена основывается на фундаментальных идеях классиков мировой социологии – теории социальной аномии Э. Дюркгейма, функциональном подходе Т. Парсонса к анализу социальных девиаций, учении Р. Мертона о функциях и дисфункциях социальных систем и др.

При анализе социальной природы и сущности коррупции, ее характерных черт и особенностей в современном российском обществе наиболее ценными для нас были работы С.В. Алексеева, С.В. Бондаренко, А.С. Быстровой, Я.И. Гилинского, А.И. Кирпичникова, С.В. Максимова, М.В. Сильвестрос и др.¹

Анализ механизмов функционирования и воспроизводства коррупции в современных обществах базируется на теоретических моделях А. Аслунда, Р. Вишны, Е. Каца, С. Роуз-Аккерман, А. Шлейфера, А. Хиллмана и др.

При разработке системы концептуальных и эмпирических индикаторов коррупции, методики расчета объемов коррупционных рынков мы опирались на методические решения, представленные в публикациях Г.А. Сатарова, С.А. Пархоменко, А.Ю. Мягкова, В.Л. Римского и др.².

¹ См., напр.: *Быстрова А., Сильвестрос М.* Феномен коррупции: Некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1

² См., напр.: *Полушкина И.М., Мягков А.Ю.* Измерение бытовой коррупции: Опыт регионального исследования // Экономика и управление: Материалы регион. науч.-тех. конф. студентов и аспирантов «Энергия – 2009» (Иваново, 28 апреля 2009 г.) / Ивановский гос. энерг. ун-т. Иваново, 2009. С. 86–88; *Сатаров Г.А., Пархоменко С.А.* Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). Обращение к документу: 01.03.2010. <<http://www.indem.ru/corrupt/parhom/159.html>>.

Реализованная в диссертации методика оценки эффективности антикоррупционной политики в регионе основывается на методологических положениях, разработанных Г. Беккером и М. Сесновицем и развитых в отечественной литературе Р.И. Маликовым и А.В. Шамаковым.

Эмпирическая база исследования. Работа опирается на результаты массовых опросов населения по проблемам бытовой коррупции, опубликованных как в отечественных, так и в зарубежных изданиях (исследования Фонда ИНДЕМ в 2001 и 2005 гг., рук. Г.А. Сатаров; опросы ВЦИОМ по проблемам коррупции в сентябре 2008 и апреле 2009 гг.; опрос ФОМ в июле 2010 г.; ежегодные исследования Transparency International в 2007–2010 гг., рук. в России Е.А. Панфилова и др.), данные официальной государственной статистики по Ивановской области, а также на материалы двух специальных социологических исследований, предпринятых автором в мониторинговом режиме в Ивановской области в период 2008–2009 гг. под руководством доктора социологических наук, профессора А.Ю. Мягкова.

Исследования проводились с целью оценки масштабов распространения бытовой коррупции в Ивановской области, а также выявления ее региональной специфики, структуры и основных тенденций развития в нашем регионе. Первое исследование ($N = 540$) проходило летом 2008 г., второе ($N = 506$) – летом 2009 г. В опросах принимали участие жители областного центра, 11 районных городов и 25 сельских поселений Ивановской области в возрасте от 16 до 65 лет включительно. Методы сбора данных – формализованное персональное интервью и индивидуальное очное анкетирование. Тип выборки – многоступенчатая комбинированная (квотно-случайная). Основные котируемые признаки – пол и возраст респондентов. Ошибка репрезентативности в первом исследовании составила 4,2%, во втором – 4,4% при вероятности появления $P = 0,95$.

Научная новизна диссертации.

1. Проведена научная инвентаризация важнейших методических подходов, применяемых в современной исследовательской практике для измерения уровня коррупции, дана оценка их достоинств и недостатков, возможностей и ограничений, намечены перспективы их практического применения.

2. Предложена дополненная и уточненная система концептуальных и эмпирических индикаторов для измерения повседневного коррупционного поведения граждан. На этой основе сконструирован и апробирован надежный методический инструментарий для оценки уровня и структуры бытовой коррупции в регионах России.

3. Дано детальное описание современного состояния бытовой коррупции в Ивановской области: измерены объемы коррупционных рынков (общего и специальных); представлена количественная характеристика основных показателей коррупционного поведения населения (охват коррупции, риск коррупции, спрос на коррупцию, интенсивность коррупции и др.); выявлены основные направления их динамики за последние годы.

4. Определены специфические черты и особенности, характерные для коррупционного поведения жителей Ивановского региона.

5. Выявлены установки граждан в сфере бытовой коррупции, измерен антикоррупционный потенциал населения Ивановской области.

6. На основе полученных автором опросных данных и материалов региональной статистики дана количественная оценка степени эффективности проводимой в области антикоррупционной политики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Многие существующие сегодня методики измерения бытовой коррупции несовершенны, страдают односторонностью и не соответствуют требованиям надежности и валидности измерений. *Одни* основаны на субъективных показателях, а потому фиксируют не реальное состояние коррупции, а медийные репрезентации этой проблемы в массовом сознании населения (Transparency International). *Другие* опираются, главным образом, на материалы госстатистики и пригодны лишь для оценки масштабов деловой коррупции (И.И. Елисеева, А.Н. Щирин). *Третьи* базируются исключительно на анализе писем граждан, содержащих жалобы на вымогательства чиновников, без учета их обоснованности (Всероссийская Антикоррупционная Общественная Приемная «Чистые руки»). Методика, разработанная специалистами ИНДЕМ, в отличие от многих других, опирается на строгую теоретическую модель измеряемого объекта, однако также нуждается в дальнейшем развитии и уточнении.

2. В метрологическом плане коррупция представляет собой комплексную латентную переменную, поэтому ее измерение не может строиться на основе случайных, единичных показателей. Для ее фиксации необходима целостная система концептуальных и эмпирических индикаторов, полностью репрезентирующих интересующее нас явление. На наш взгляд, эта система должна включать в себя *следующие элементы*: понимание и объяснение коррупции, субъективные оценки коррупции, охват коррупции, спрос на коррупцию, риск коррупции, интенсивность коррупции, средний размер взятки, среднегодовой взнос и др. Их использование позволит уточнить границы измеряемой переменной, оценить годовой объем общего и специальных коррупционных рынков в регионе.

3. Уровень бытовой коррупции в Ивановской области может быть оценен как повышенный. Около 60% респондентов имеют опыт коррупционных взаимодействий; почти 40% граждан приходилось давать взятки в обследуемый период; столько же опрошенных испытывали коррупционное давление со стороны чиновников. Годовой оборот денежных средств в сфере бытовой коррупции в области составляет почти 1 млрд. рублей, или 4% от регионального бюджета. При этом в г. Иваново в последние годы наблюдается тенденция к значимому росту по таким важнейшим показателям коррупционности, как риск коррупции и спрос на коррупцию. Зонами наибольшего коррупционного риска сегодня являются ГИБДД, учреждения образования и здравоохранения, военкоматы и правоохранительные органы.

4. Бытовая коррупция в Ивановской области отличается следующими особенностями: *большим охватом коррупции*, характеризующим общий коррупционный опыт населения и привычку граждан решать свои проблемы посредством взяток; *повышенным риском коррупции* (чиновничьим давлением на граждан); *более высоким*, чем

в ряде других регионов (напр., Татарстан, Санкт-Петербург, Московская, Тюменская области, Пермский край), *спросом на коррупцию*, характеризующим реальные коррупционные практики граждан, что свидетельствует о широких масштабах и рутинном характере взяточничества, а также об отсутствии у жителей области альтернативных способов удовлетворения их жизненных потребностей; *большим относительным объемом общего рынка* бытовой коррупции (по сравнению с экономически развитыми регионами страны) при весьма скромном абсолютном объеме оборота коррупционных средств в области.

5. Антикоррупционный потенциал населения Ивановской области пока еще очень слабый, хотя наблюдается обнадеживающая динамика. В массовом сознании сегодня явно доминируют установки на *пассивное подчинение* коррупционному давлению. Широко распространена и конформистская стратегия поведения в сфере коррупции: 72% граждан, попадая в коррупционную ситуацию, платят взятки. Удельный вес этой группы, хотя и медленно, но сокращается (–8%). Установка на *избегание взяток* значительно слабее: лишь 27% граждан отказываются от коррупции при решении своих жизненных проблем. Доля этих людей за последние годы имеет тенденцию к некоторому росту (+8%). Установку на *активное сопротивление* коррупции и взяточничеству разделяет сегодня абсолютное меньшинство населения области: лишь 2% склонны обращаться за помощью в органы правопорядка. И в этом отношении ситуация с годами не улучшается.

6. В настоящее время борьба с бытовой коррупцией в Ивановской области ведется недостаточно эффективно. Результаты расчетов свидетельствуют о низкой вероятности раскрытия коррупционных преступлений, что делает ожидаемое наказание пренебрежительно малым даже в случае, если с номинальной точки зрения оно очень строго. Нынешняя раскрываемость взяточничества в регионе в 1,7–16,6 раза ниже той (в зависимости от сценария), которая необходима для искоренения коррупции. Это еще раз подчеркивает широкие масштабы распространения взяточничества в нашей области и неэффективность используемых методов борьбы с ним.

Научная и практическая значимость работы.

Теоретико-методологический анализ проблемы, представленный в диссертации, позволяет глубже понять социальную природу и специфику бытовой коррупции, механизмы ее возникновения и поддержания, и, тем самым, может способствовать дальнейшему научному осмыслению данной темы.

Предложенные и апробированные автором методические решения существенно обогащают имеющийся в распоряжении исследователей арсенал методов измерения бытовой коррупции.

Методический опыт организации исследований в Ивановской области может быть успешно использован специалистами в других регионах РФ, в том числе и для оценки эффективности проводимых антикоррупционных мероприятий.

Материалы проведенных автором исследований могут быть востребованы органами государственной власти и муниципального самоуправления, а также правоохранительными ведомствами и институтами при выработке стратегических

программ и планировании конкретных мероприятий по профилактике и противодействию коррупции.

Теоретические и методические материалы диссертации могут найти дальнейшее применение в педагогической деятельности при разработке и чтении лекционных курсов, а также проведении спецсеминаров и практикумов по проблеме коррупции.

Апробация результатов исследования. Основные положения, идеи и выводы диссертационной работы докладывались автором на 6 научных конференциях: Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие современного общества в условиях реформ» (г. Саратов, СГТЭУ, 10 декабря 2007 г.); Международной научно-практической конференции «Государственное регулирование социально-экономических процессов в условиях глобального кризиса» (г. Саратов, СГТЭУ, 30 марта 2009 г.); IV Международной молодежной научной конференции «Тинчуриные чтения» (г. Казань, КГЭУ, 22–24 апреля 2009 г.); международной научно-технической конференции «XV Бенардосовские чтения» (г. Иваново, ИГЭУ, 27–29 мая 2009 г.); Первой Всероссийской конференции молодых ученых (с международным участием) «Экономика, финансы и бизнес: проблемы и перспективы развития» (г. Иваново, ИГЭУ, 18 февраля 2010 г.); международной научно-практической конференции «Модернизационный потенциал регионов» (г. Иваново, ИвГУ, 14–15 октября 2010 г.).

По проблемам диссертационного исследования автором опубликованы 12 научных работ, в том числе 3 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций автора по теме диссертации составляет 3,6 п.л.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры социологии Ивановского государственного энергетического университета.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, объединяющих 12 параграфов, Заключения, Списка литературы и Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертации, дается характеристика степени ее научной разработанности, формулируются объект и предмет, цель и задачи работы, определяется научная новизна, теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования, его научная и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, формы апробации полученных результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования коррупции» посвящена рассмотрению теоретико-методологических аспектов исследуемой проблемы.

В первом параграфе «Коррупция: понятие, типы и виды» анализируется содержание понятия «коррупция» с позиций различных исследовательских под-

ходов, приводится типологическая и видовая характеристика коррупционных отношений.

Автор выделяет три основные трактовки коррупции, получившие широкое распространение в специальной литературе: юридическую, экономическую и социологическую. В диссертации отмечается, что определения коррупции с позиций права сегодня явно доминируют. Большинство исследователей, работающих в рамках *криминологического* подхода (Д. Бейли¹, Б.В. Волженкин, Я.И. Гиллинский, А.И. Долгова², С.В. Максимов и др.), сводят коррупцию к ее юридической сути, то есть к взятке и злоупотреблению служебным положением. Юристов интересует, прежде всего, сам факт криминального события, момент преступления. Главное внимание они акцентируют на вопросах, связанных с уточнением признаков коррупции, круга деяний, подпадающих под эту категорию, квалификацией коррупционных преступлений, их доказыванием, определением мер наказания и т.д.

Экономисты (С. Роуз-Аккерман, А. Аслунд, Д. Кауфман³, В.В. Радаев, Р.В. Рывкина⁴ и др.) рассматривают коррупцию как некий теневой рынок, в котором существуют свои правила экономических ожиданий и вознаграждений, не фиксируемых официальной статистикой.

Социологический подход к пониманию коррупции является относительно новым. Одно из первых определений такого рода принадлежит К. Фридриху. Он считал, что «коррупция – это отклоняющееся поведение, соединенное с частной мотивацией, означающей, что частные (индивидуальные, групповые) цели реализуются за публичный счет»⁵. Подход к анализу коррупции с социологических позиций, считает диссертант, позволяет за ее отдельными фактами увидеть устойчивые социальные практики и разветвленные социальные сети. Для социологов повседневная коррупция – это системное социальное явление, обусловленное состоянием ценностно-нормативной и институциональной подсистем современных обществ.

Далее в диссертации выделяется несколько *концептуальных подходов* к определению коррупции. *Первый* трактует данное социальное явление в широком смысле как непосредственное использование чиновником своего служебного положения для личного обогащения. Должностное лицо в силу занимаемой

¹ См.: *Бейли Д.* Активные меры против коррупции в полиции. М.: ВЦП, 1990.

² См.: *Долгова А.И.* Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней // *Коррупция и борьба с ней*. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. С. 84–96

³ См.: *Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P.* Aggregating Governance Indicators. Обращение к документу: 18.10.2008. <<http://worldbank.org/wbi/governance>>.

⁴ См.: *Радаев В.В.* Неформальные экономические отношения и социальный обмен. С. 50–58; *Рывкина Р.В.* От теневой экономики к теневому обществу // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. С. 25–39.

⁵ См.: *Friedrich C.* The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda. N.Y.: Harper & Row, 1972. P. 48.

должности распоряжается не принадлежащими ему ресурсами посредством принятия (или непринятия) тех или иных решений.

Второй подход описывает коррупцию как определенный вид социально-экономических отношений. Здесь взяточничество выступает либо как специфический рынок товаров и услуг, где периодически осуществляются сделки между акторами и действуют законы спроса и предложения, либо коррупционные отношения изначально встроены в систему общественного устройства.

С точки зрения *третьего* подхода коррупция рассматривается в рамках двух стратегий поведения социальных групп. Первая подразумевает захват бизнесом государства, то есть принятие коммерческими структурами действий для осуществления теневого контроля за государственными (муниципальными) служащими. Вторая предполагает захват госструктурами субъектов предпринимательства, когда чиновники пытаются организовать контроль за коммерческими компаниями с целью личного обогащения.

Четвертый подход основан на определении коррупции как системного явления. С этих позиций взяточничество рассматривается как дефект всей системы общественных отношений в целом (и государственного управления, и экономики, и социальной морали).

Автор анализирует также различные *типы и виды коррупции*, делая акцент на характеристике трехвидовой, наиболее важной для данного исследования, классификации, включающей: 1) административную коррупцию, связанную с деятельностью органов государственной и муниципальной власти; 2) деловую коррупцию, которая возникает в результате взаимодействия бизнеса и власти и 3) бытовую коррупцию, возникающую в процессе повседневных взаимодействий рядовых граждан с должностными лицами в различных социально-экономических институтах, учреждениях и организациях.

Во втором параграфе «Теоретические подходы к анализу коррупции» раскрываются важнейшие аналитические подходы к исследованию коррупционных отношений.

Первый подход в современной научной литературе получил название «*традиционного*»¹. Ярким представителем данного направления был К. Фридрих. Он рассматривал коррупцию как однозначно дисфункциональное явление, как особый вид поведения, отклоняющийся от доминирующих в обществе норм и правил, детерминированный корыстными мотивами получения личной выгоды за общественный счет. Анализ коррупции как формы девиации элит и правящей верхушки общества продолжают в своих работах Д. Саймон и Д. Эйтцен².

Второй подход развивается «*ревизионистской*» школой анализа коррупции и связан с работами ряда исследователей, занимающихся изучением стран третьего мира. Большинство сторонников этого подхода (Х. Абуэва, Д. Бэйли,

¹ См.: Дзодзиева З.Б. Указ. соч. С. 11–12.

² См.: Simon D., Eitzen D. Elite Deviance. 3-d ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990. P. XII, 9–10.

Н. Лефф, К. Лейс и др.) считают коррупцию болезнью обществ, находящихся в стадии развития. По их мнению, она является следствием форсированной модернизации и незавершенного процесса формирования их социально-экономической структуры и низкого уровня жизни большинства населения¹.

Экономические, или рыночные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а взятки – как часть транзакционных издержек (С. Роуз-Аккерман, М. Олсон и др.). Коррупция здесь объясняется слишком сильным влиянием государства на экономические процессы, его неоправданно широким вмешательством в экономическую сферу. В связи с этим она может выполнять и конструктивную функцию, так как является противовесом громоздкому чиновничьему аппарату и ускоряет принятие управленческих решений.

В рамках социологической науки также можно выделить несколько общеметодологических подходов к анализу коррупции. *Функциональный подход*, основы которого были заложены еще М. Вебером, исходит из полезности или приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих форсирование происходящих в обществе изменений. Коррупция отражает рассогласование между старыми и новыми нормами и облегчает приспособляемость к изменениям во всех сферах общества. Согласно данному подходу, коррупция, выполнив свои политические и экономические функции, исчезает.

Последователи *институционального подхода* (С. Хантингтон и др.) акцентируют внимание на исследованиях модернизации развивающихся стран и видят в коррупции единственное средство для постепенного создания определенных социально-экономических институтов, необходимых для возникновения современного демократического общества. Коррупция, с их точки зрения, не является результатом отклонения поведения от принятых норм. В ней проявляется несоответствие принятых норм, утвержденным в обществе, моделям поведения².

Сторонники социокультурного подхода (Й. Андвиг, Р. Клитгаард и др.) считают коррупцию временным, болезненным состоянием, своего рода дисфункцией в культуре – системе ценностей, норм и установок, разделяемых большинством членов сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, порождаемой конфликтом между элементами ценностно-нормативной системы³.

¹ См., напр.: *Abueva J.* The contribution of nepotism, spoils and graft to political development // East-West Center Review. 1966. Vol. 3. № 1. P. 45–54; *Bayley D.* The effects of corruption in a developing nation // Western Political Quarterly. 1966. Vol. 19. № 4. P. 719–732; *Leff N.* Economic development through bureaucratic corruption // American Behavioral Scientist. 1964. Vol. 8. № 3. P. 8–14; *Leyes C.* What is the problem about corruption? // Journal of Modern African Studies. 1965. Vol. 3. № 2. P. 215–224.

² См., напр.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma: Publisher University of Oklahoma Press, 1991.

³ См., напр.: *Andvig J.C.* The economics of corruption: A survey // Studi Economici. 1991. № 43. P. 57–94; *Klitgaard R.* Adjusting to Reality: Beyond «State Versus Market» in Economic Development. San Francisco: ICS Press, 1991.

В заключение автор делает вывод, что существование в социальных науках различных исследовательских подходов к анализу сущности коррупции еще раз свидетельствует о сложности и неоднозначности этого социального явления.

Третий параграф «Социальная природа бытовой коррупции» посвящен анализу причин возникновения, поддержания и воспроизводства коррупции в современных обществах.

В диссертации отмечается, что теоретические основы анализа причин и социальных источников коррупции были заложены еще в 1970-е гг. в работах американских политологов и экономистов неинституционального направления (Р. Кроуз, С. Хантингтон, О. Уильямсон и др.). Главная их идея заключалась в том, что коррупция появляется и начинает расти, если существует рента, связанная с государственным регулированием различных сфер экономической жизни (предоставлением субсидий и налоговых льгот организациям, наличием ценового контроля и т.д.). Между тем в современной науке принято говорить о множественности причин бытовой коррупции, выделяя экономические, институциональные, правовые, социокультурные, психологические и пр. источники ее появления. *Экономические* причины коррупции связаны, прежде всего, с высокими возможностями государственных служащих влиять на деятельность фирм и граждан. Коррупция возникает там, где у чиновников есть широкие полномочия распоряжаться какими-либо дефицитными, но не принадлежащими им благами. *Институциональным* источником коррупции выступает высокий уровень закрытости в работе государственных структур (ведомств). *Социокультурными* причинами коррупции являются деморализация общества, недостаточная информированность и организованность граждан, социальная пассивность. *Правовые факторы* связаны с несовершенством законодательства, а *психологические* – с укорененностью взяточничества в массовом сознании.

Предельно лаконичное определение основных причин коррупции некоторые зарубежные исследователи выражают следующей формулой: коррупция = монополия + произвол – ответственность¹. Это значит, что возможности коррупции прямо зависят от монополии государства на выполнение некоторых видов деятельности и от бесконтрольности деятельности чиновников, но обратно зависят от вероятности и тяжести наказаний за злоупотребления.

Четвертый параграф «Объяснительные модели бытовой коррупции» посвящен изложению теоретических концепций, объясняющих механизмы коррупционного поведения на мезо- и микросоциальном уровнях.

В специальной литературе существуют различные концептуальные модели, раскрывающие механизм возникновения и существования коррупции. В рамках

¹ См., напр.: *Mookherjee D., Png I.* Corruptible law enforcers: How should they be compensated? // *The Economic Journal*. 1995. Vol. 105. № 1. P. 145–159; *Tirole J.* A Theory of collective reputations (with applications to the persistence of corruption and to firm quality) // *Review of Economic Studies*. 1996. Vol. 63. № 1. P. 1–22.

этих моделей рассматриваются самые разные вопросы, связанные с коррупцией, однако, под различными углами зрения.

Первый класс моделей, описывающих процесс возникновения «внешней коррупции», характеризует взаимоотношения между «исполнителем» и «клиентом» (С. Роуз-Аккерман, А. Шлейфер, Р. Вишни, П. Чандер, Л. Уильде¹ и др.). Здесь речь идет о взаимовлиянии конкуренции и коррупции, социально несправедливого распределения ресурсов, а также влияния на данный процесс «хозяина» (государственной политики – в случае, когда «хозяином» является государство).

Второй класс моделей, также опираясь на агент-клиентскую теорию, описывает процесс коррумпирования организации или социального института изнутри (А. Хиллман, Е. Кац, Ф. Кофман, Дж. Лавари² и др.). Эти модели включают понятие «единой структуры управления», подразумевающей разработку стимулов и санкций, определенных нормативов и формальных постановлений, которыми следует руководствоваться при принятии решений, а также жесткой иерархической структуры и системы контроля.

И, наконец, *третья группа моделей* анализирует переходные процессы в коррумпированной системе (М. Гупта, С. Чаудхури)³. Модели, принадлежащие к этому классу, отмечает диссертант, являются динамическими и могут быть как макро-, мезо-, так и микросоциальными.

Во второй главе «Методология измерения бытовой коррупции» обобщается зарубежный и отечественный опыт проведения эмпирических исследований коррупции, анализируются различные методические подходы к измерению ее уровня, представлена система концептуальных и эмпирических индикаторов коррупции, а также методология оценки эффективности антикоррупционной политики.

В первом параграфе «Основные источники и методы сбора данных о коррупции» описываются возможные способы получения сведений о коррупционном поведении, взвешиваются их достоинства и недостатки.

Анализ функционирования органов власти, помимо собственно выявления коррупционеров в организациях, позволяет регулярно проводить своего рода аудит деятельности организаций по специально разработанным диагностическим методикам, которые будут образовывать подсистему организационного мониторинга коррупции.

¹ См., напр.: *Chander P., Wilde L.* A general characterization of optimal income tax enforcement // *Review of Economic Studies*. 1998. Vol. 65. № 1. P. 165–183.

² См., напр.: *Kofman F., Lawarree J.* Collusion in hierarchical agency // *Econometrica*. 1993. Vol. 61. № 3. P. 629–656.

³ *Gupta M., Chaudhuri S.* Formal credit, corruption and the informal credit market in agriculture: A theoretical analysis // *Economica (New Series)*. 1997. Vol. 64. № 254. P. 331–343.

На основе *изучения статистики* возможно осуществить предварительный анализ ситуации в регионах страны с точки зрения масштабов коррупции, а также выявить факторы, способствующие ее распространению. Это, в свою очередь, позволит провести типологизацию регионов и отобрать среди них те, которые необходимы для проведения последующих исследований.

Изучение конкретных уголовных дел по коррупции – мощный информационный ресурс для научного исследования данного явления. Однако он может быть эффективен лишь при трех условиях. Во-первых, нужна унификация систем статистики и отчетности всех правоохранительных органов, прокуратуры, судов. Во-вторых, необходимы систематичность и полнота сбора информации, В-третьих, исследователь должен иметь доступ к ней для решения информационных и аналитических задач.

Анализ законодательства применяется для установления причин коррупции. Методика направлена на выявление в текстах нормативных актов таких норм права, которые создают потенциал для воспроизводства коррупции.

Анализ СМИ также обладает богатым информационным потенциалом для мониторинга коррупции. Однако этот потенциал может реализоваться только при наличии реальной свободы слова в стране, являющейся необходимым условием для проведения исследований.

Автор анализирует также возможности применения *социологических методов* для изучения коррупции. Он отмечает, что глубинные интервью с экспертами позволяют получить от информантов сведения о современном состоянии коррупции и практикуемых методах борьбы с ней. Неформализованные интервью дают возможность выявить понимание респондентами рассматриваемой проблемы, а также то, как опрашиваемые оценивают ее нынешнее состояние и динамику. Посредством фокус-групп можно выявить спектр мнений и оценок по определенному кругу вопросов, связанных с коррупцией. Анкетирование позволяет построить типологию респондентов по их отношению к проблеме коррупции и определить распространенность выделенных типов в разных регионах и социальных группах.

Во втором параграфе «Методические подходы к исследованию коррупции» описывается методический опыт эмпирического изучения коррупции, накопленный в зарубежной и отечественной социологии, дается критическая оценка различных подходов к ее измерению и фиксации.

Анализируя методики, применяемые в западной исследовательской практике, диссертант приходит к выводу, что, несмотря на ряд очевидных достоинств, многие из них несовершенны, поскольку предназначены для решения разных и не всегда релевантных задач. Методический подход, разработанный *Transparency International* для проведения международных сравнительных исследований коррупции, позволяет фиксировать не повседневные коррупционные практики, а лишь субъективное восприятие коррупции населением. Эксперты, оценивающие уровень коррупции, не свободны от влияния общественного мнения и СМИ. Индексы восприятия коррупции, будучи основаны на агрегировании опросов предпринимателей и аналитиков, отражают степень коррумпированности госслужащих и политиков и

не улавливают бытовую коррупцию. Методика измерения «захвата государства» и «захвата бизнеса», предложенная специалистами *Мирового Банка*, также основана на субъективных индикаторах (восприятии коррупции бизнесом и экспертами) и к тому же фиксирует лишь деловую и административную коррупцию. Подходы к измерению коррупции с точки зрения «прозрачности» современных обществ (*Pricewaterhouse Coopers*), их экономической и политической свободы (*Heritage Foundation, Freedom House*) излишне политизированы и мало пригодны для научных целей.

Исследования, проводимые ВЦИОМ, Левада-Центром, ФОМ, ЦЕССИ, РО-МИР и др. российскими социологическими центрами, позволяют получить богатый эмпирический материал, но также страдают ограниченностью и неполнотой, поскольку для измерения коррупции используют единичные, случайно подобранные показатели, не репрезентирующие многомерную структуру изучаемого явления. *Эконометрический подход*, предложенный И.И. Елисеевой и А.Н. Щириной, базирующийся на использовании данных экономической статистики и результатов экспертных интервью, позволяет в некоторой мере объективировать получаемые результаты, однако пригоден лишь для оценки масштабов деловой коррупции. Методика, разработанная специалистами ИНДЕМ, универсальна, опирается на строгую теоретическую модель изучаемого феномена, отвечает критериям валидности и надежности измерений, но и она, по мнению диссертанта, нуждается в совершенствовании с точки зрения системы понятийных и эмпирических индикаторов.

В третьем параграфе «Индикаторы бытовой коррупции» представлена система концептуальных и эмпирических показателей коррупционного поведения, лежащих в основе авторской методики измерения рынка коррупционных услуг в регионе. Адаптированная диссертантом методика опирается на методологические разработки ИНДЕМ и предполагает фиксацию следующих переменных.

Понимание коррупции – характеризует интерпретацию респондентами термина «коррупция». *Объяснение коррупции* – обыденные трактовки причин возникновения и существования данного явления. *Субъективные оценки уровня коррупции* – мнения респондентов о степени коррумпированности различных сфер, институтов и учреждений. *Охват коррупции* – доля граждан, хотя бы раз в жизни попадавших в коррупционную ситуацию. Отражает наличие или отсутствие у респондентов общего (в большей степени ретроспективного) коррупционного опыта. *Риск коррупции* – доля случаев попадания граждан в коррупционную ситуацию, независимо от ее исхода для обеих сторон (был ли факт дачи взятки или нет). Данный показатель позволяет оценить интенсивность коррупционного давления власти на граждан. *Спрос на коррупцию* – доля случаев дачи взятки в течение года, предшествовавшего опросу. Эта переменная описывает вторую сторону коррупционных взаимоотношений – рядового гражданина и его актуальный коррупционный опыт. *Интенсивность коррупции* – среднее число взяток в год, приходящееся на одного потенциального взяткодателя. Данный индикатор позволяет измерить количество успешных коррупционных сделок. *Средний размер взятки* –

средний размер взятки в денежном выражении на одну условную коррупционную сделку в календарном году. Для вычисления этого показателя мы использовали робастное среднее, получаемое путем отбрасывания ответов с самыми высокими и самыми низкими суммами взяток. По оставшимся значениям затем вычислялось среднее арифметическое значение.

Среднегодовой взнос – средние годовые затраты одного потенциального взяткодателя в календарном году. Данный показатель определялся как произведение интенсивности коррупции и среднего размера взятки. *Годовой объем рынка бытовой коррупции в регионе* – оценка суммарного оборота коррупционных услуг в денежном выражении за календарный год. Рассчитывался как сумма всех взяток, выплаченных всеми потенциальными взяткодателями в течение года по формуле, предложенной Г.А. Сатаровым:

$$M = P \cdot q \cdot y, \quad (1)$$

где M – годовой объем рынка; P – численность взрослого населения от 16 до 65 лет; q – доля респондентов, ответивших, что им приходилось давать взятку в данном календарном году; y – среднегодовой взнос.

Авторские изменения в методике по сравнению с базовой версией состоят в следующем: 1) в привлечении к анализу трех дополнительных субъективных переменных (понимание коррупции, объяснение коррупции и субъективная оценка уровня коррупции); 2) в уточнении содержания ряда понятийных показателей, и в частности, «спроса на коррупцию» (понимание данного термина не как «готовность людей давать взятку, оказавшись в коррупционной ситуации»¹, а как «доля случаев дачи взятки в течение года, предшествовавшего опросу»); 3) в доведении измеряемых переменных до уровня конкретных эмпирических индикаторов (анкетных вопросов) (см. Приложение 1 к диссертации).

В четвертом параграфе «Эффективность антикоррупционной политики: методология оценки» излагаются контуры теоретической концепции, а также вычислительные алгоритмы для статистико-социологической оценки результативности борьбы со взятничеством, первоначально предложенные М. Сесновицем и Г. Беккером, а позднее модифицированные Р. Маликовым.

Рассматривая коррупционеров как обычных людей, рационально kalkulирующих ожидаемые выгоды и издержки от совершения коррупционных сделок, авторы предложили математические инструменты для вычисления пороговых значений вероятности обнаружения и последующего наказания взяточников (P_1). Для самого мягкого сценария (без конфискации взятки и при сохранении возможности трудоустройства бывшего чиновника в частном секторе после отбытия наказания) эта вероятность может быть вычислена по формуле:

$$P_1 = (C \cdot \lambda + I) / (m_1 - q + I), \quad (2)$$

¹ См.: Сатаров Г.А. Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // Вестник общественного мнения. 2006. № 3. С. 27.

где C – среднее количество коррупционных сделок; где λ – коэффициент соотношения взятки к годовой заработной плате чиновника; m_1 – срок заключения; q – коэффициент соотношения годовой заработной платы в частном секторе к годовой заработной плате чиновника.

В случае более жесткого сценария, например, при конфискации суммы взятки и осуждении чиновника без последующего трудоустройства в частном секторе, т.е. при $q = 0$, вероятность обнаружения и наказания взяточника при тех же обозначениях составит следующую величину:

$$P_2 = (C \cdot \lambda + I) / (C \cdot \lambda + m_2 + I). \quad (3)$$

Эффективность правосудия с точки зрения общественных издержек, по мнению авторов, наступает тогда, когда рассчитанные таким образом вероятности будут меньше реальной раскрываемости коррупционных преступлений и показателей их поведения до суда.

Третья глава «Бытовая коррупция в Ивановской области: масштабы распространения и основные тенденции» посвящена анализу и интерпретации результатов социологических исследований по измерению регионального рынка бытовой коррупции, проведенных автором в 2008–2009 гг.

В первом параграфе «Обыденные представления населения о коррупции: особенности понимания и объяснения» приводятся данные опросов о том, как жители области понимают и объясняют коррупцию, как они оценивают ее нынешний уровень в регионе.

Опираясь на результаты исследований, автор диссертации выделяет четыре группы мнений по поводу термина «коррупция», получивших наибольшее распространение в массовом сознании ивановцев. *Первую группу* (50%) представляют респонденты, придерживающиеся упрощенно-бытовой трактовки коррупции и сводящие ее к акту передачи взятки чиновнику или должностному лицу. Удельный вес сторонников этой точки зрения растет (+11% в 2009 г. по сравнению с 2008 г.). *Вторая группа* ивановцев (13%) определяет коррупцию как злоупотребление чиновником его служебным положением в личных, корыстных целях, как правило, для достижения им определенной материальной выгоды. По сравнению с опросом 2008 г. (15%), доля респондентов, разделяющих эту позицию, осталась относительно неизменной. *Третья группа* мнений (около 20%) представлена суждениями о коррупции как о процессе взаимодействия между государством и бизнесом, властью и гражданами, выражающемся в теневом регулировании сложившихся взаимоотношений посредством взяток. *Четвертая группа* респондентов (11%) определяет коррупцию через комплекс причин, ее порождающих. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению данной группы мнений.

В качестве *объективной* причины существования коррупции треть респондентов (34,4%) в опросе 2009 г. назвали отсутствие эффективной законодательной базы и, как следствие, безнаказанность должностных лиц (+12,7% по сравнению с исследованием 2008 г.). Следовательно, недовольство населения антикоррупцион-

ным законодательством страны растет. Помимо этого, в качестве ключевых причин коррупции население видит слабость материальных стимулов у чиновников для честного исполнения ими своих обязанностей: 18,8% респондентов считают, что именно из-за низкой зарплаты появляется соблазн брать взятки. *Субъективные* причины, порождающие мздоимство, жители региона чаще всего связывают с личными качествами коррупционеров: алчностью и жадностью (16,2% опрошенных), а также с менталитетом самих граждан, укоренившимся мнением, что взятка – это нормальное явление (15,6%).

Судя по данным опросов, жители региона крайне скептически оценивают деятельность областного руководства по противодействию коррупции. Только 3% опрошенных считают, что местные власти активно борются с этим злом; 30% респондентов видят усилия властей, однако не считают их эффективными. Каждый пятый житель региона убежден не только в отсутствии каких-либо действенных мер, предпринимаемых властью для обуздания взяточничества, но и в коррумпированности самого регионального руководства.

К числу институтов и учреждений, в наибольшей степени пораженных коррупцией, жители области относят ГИБДД (средняя оценка – 4,44 балла по пятибалльной шкале, $t = 4,874$, $p \leq 0,001$). Вторую строчку делят образование (4,10 балла), военкоматы (4,05 балла) и здравоохранение (3,95 балла), значимость различий между средними значениями которых можно интерпретировать как случайную (для t -оценок $p \geq 0,10$). Третью позицию занимают правоохранительные органы: масштаб коррупции в них респонденты оценили в 3,81 балла, а четвертую – судебные органы и прокуратура ($t = -4,953$, $p \leq 0,001$).

Во втором параграфе «Рынок бытовой коррупции в Ивановском регионе: объем, структура и динамика» дается социологическая оценка масштабов распространения коррупции в Ивановской области, степени поражения ею различных сфер, институтов и учреждений, анализируется динамика коррупционной ситуации в регионе за последние годы.

Уровень бытовой коррупции в области автор оценивает как повышенный, отмечая при этом заметный потенциал его дальнейшего роста. Около 60% жителей региона имеют опыт коррупционных сделок («охват коррупции»), около 40% опрошенных давали взятку относительно недавно – в течение года, предшествующего опросу («спрос на коррупцию»), примерно столько же граждан испытывали на себе коррупционное давление со стороны должностных лиц («риск коррупции»). При относительной стабильности для области в целом все три указанные характеристики продолжают расти в областном центре: усиливается давление чиновников на граждан, все большее число людей включается в коррупционные отношения.

Два ключевых показателя регионального коррупционного рынка немного превышают общероссийские. В частности, «охват коррупции» в Ивановской области составляет 57,3%, а в целом по стране, по данным ИНДЕМ, – 54,9%. «Риск

коррупции» в Ивановском регионе также повышен (38,5% против 35%)¹. А вот «спрос на коррупцию» в области существенно ниже общероссийского – (38,9% против 53,2%)².

Максимальный «спрос на коррупцию» в обследованном регионе зафиксирован в ГИБДД. Второй наиболее взяткоемкой сферой является здравоохранение, третьей – образование. Динамический анализ показывает, что за последние два года уровень взяточничества в Госавтоинспекции несколько вырос, хотя и несущественно ($p \geq 0,1$). Между тем в службах занятости населения наблюдается почти трехкратный рост числа взяток ($p \leq 0,01$).

Сильнее всего коррупционное давление власти на граждан также ощущается в учреждениях образования, здравоохранения и со стороны Госавтоинспекции. За последние три года «риск коррупции» существенно увеличился в детских садах и школах, а также в службах регистрации прав собственности ($p \leq 0,01$).

«Интенсивность коррупции» в регионе, по данным исследования 2009 г., составила почти 1 взятку на человека (0,88), а *средний ее размер* достиг 3520 рублей. Самая высокая цена на коррупционные услуги, зафиксирована в военкоматах (14500 руб.). На втором месте со значительным отрывом находятся судебные органы и прокуратура (5700 руб.). В учреждениях образования, здравоохранения и в ГИБДД средняя сумма разовой взятки существенно меньше – от 1000 до 1400 руб.

Проведенная нами оценка «*годового объема рынка*» показала, что суммарный оборот денежных средств в сфере бытовой коррупции в 2008 г. в области составил 924,5 млн. руб. (30,5 млн. долларов) или 4% от регионального бюджета. Этот показатель выше общероссийского: по данным ИНДЕМ, рынок бытовой коррупции в России составляет около 2,5% бюджета страны³.

В третьем параграфе «Антикоррупционные установки и поведение жителей области» дается социологическая оценка антикоррупционного потенциала населения региона, готовности граждан противодействовать коррупции.

Проведенные автором исследования показывают, что в массовом сознании явно доминируют установки на *пассивное подчинение* коррупционному давлению. Широко распространена и конформистская поведенческая стратегия *вынужденных уступок* в сфере коррупции: 72% граждан, попадая в коррупционную ситуацию и не имея возможности сопротивляться чиновничьему произволу, платят взятки, что свидетельствует о высокой агрессивности коррупционной среды. В целом по региону за последние два-три года этот показатель немного снизился

¹ При сравнении результатов диссертационного исследования с общероссийскими данными автор вынужден обращаться к исследованию Фонда ИНДЕМ, опубликованному в 2006 году, что связано с отсутствием более поздних комплексных социологических опросов по измерению бытовой коррупции в России.

² См.: Сатаров Г.А. Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах. С. 28–30.

³ См.: Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.anti-corr.ru/awbreport/-index.htm>>.

(–8% в 2009 г по сравнению с 2008 г.), но по-прежнему продолжает оставаться высоким особенно в малых городах и районах области (77%).

Установка на *избегание взяток* (как форма робкого сопротивления коррупции) значительно слабее. По данным исследования 2009 г., лишь 27% граждан отказываются от коррупционных способов решения своих жизненных проблем. Доля этих людей в последние годы имеет тенденцию к некоторому росту (+8% по сравнению с 2008 г.). Специальные расчеты показывают, что группа людей, научившихся избегать взяток и самостоятельно решать свои жизненные проблемы, невелика и составляет сегодня чуть более 12% от общей численности социально активного населения области. Между тем именно эти люди и составляют основную социальную базу, на которую могут опираться здоровые силы общества и государства при проведении антикоррупционной политики.

Установку на *активное сопротивление* взяточничеству разделяет сегодня абсолютное меньшинство населения области: лишь 2% склонны обращаться за помощью в органы правопорядка. И в этом отношении ситуация с годами не улучшается. Недоверие милиции и другим правозащитным органам, судя по данным исследований, продолжает расти, поэтому заметного увеличения численности указанной группы в ближайшее время не произойдет. Все это свидетельствует о слабости антикоррупционного потенциала в регионе и настоятельной необходимости его дальнейшей поддержки и укрепления.

В четвертом параграфе «Опыт эмпирической оценки эффективности антикоррупционной политики в регионе» дается статистико-социологическая оценка эффективности мер противодействия бытовой коррупции в Ивановской области.

На основе статистических данных и материалов массовых опросов автором диссертации был проведен расчет пороговых значений вероятностей выявления и последующего осуждения взяточников для мягкого и жесткого сценариев по методике Сесновица-Беккера-Маликова. Согласно расчетам, указанные значения должны находиться в интервале от 0,13 (при самом мягком сценарии) до 1,25 (при максимально жестком сценарии) для обеспечения социальной справедливости и обуздания коррупции.

Между тем реальная раскрываемость коррупционных преступлений в регионе сегодня в 1,7–16,6 раза ниже той (в зависимости от сценария), которая необходима для искоренения или, по крайней мере, резкого ограничения бытовой коррупции. Так, в 2009 г., в Ивановской области было зафиксировано 644 преступления коррупционной направленности. Из них судами было рассмотрено 98 уголовных дел в отношении 101 лица (15,2%), в том числе с постановлением обвинительного приговора – 90 уголовных дел в отношении 93 лиц. Из 93 человек, осужденных за взяточничество, наказание в виде реального лишения свободы назначено лишь 7 осужденным, что составляет менее 8% или 0,075¹.

¹ См.: Отчет о работе Прокуратуры Ивановской области за 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.prokuratura.ivanovo.ru/newsarch/2009/11/10/2009111004>>.

Отметим, что низкая вероятность раскрытия коррупционного преступления, делает ожидаемое наказание пренебрежительно малым даже в случае, если с номинальной точки зрения оно очень строго.

В Заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы, дается критическая саморефлексия по поводу проведенных автором исследований.

По результатам диссертационного исследования автор констатирует, что бытовая коррупция в Ивановской области отличается бóльшим охватом коррупции; повышенным риском коррупции; более высоким, чем в ряде других регионов, спросом на коррупцию. Годовой оборот денежных средств в сфере бытовой коррупции в области составляет почти 1 млрд. рублей, или 4% от регионального бюджета, что в процентном отношении превышает аналогичные показатели по стране в целом.

Отмечается также, что уровень коррупции в Ивановской области повышенный. Большинство жителей региона (57,3%) хотя бы раз в жизни давали взятку, 38,5% испытывали на себе коррупционное давление со стороны должностных лиц. Сферами, где население наиболее активно прибегает к взяткам являются ГИБДД, образование и здравоохранение. Наибольший коррупционный риск для граждан, помимо указанных учреждений, наблюдается также в службах регистрации прав собственности и правоохранительных органах.

Автор приходит к выводу, что антикоррупционный потенциал населения Ивановской области пока еще очень слабый. В массовом сознании сегодня явно доминируют установки на пассивное подчинение коррупционному давлению.

Результаты исследований свидетельствуют о низкой вероятности раскрытия коррупционных преступлений в области. Нынешняя раскрываемость взяточничества в регионе в 1,7–16,6 раза ниже той (в зависимости от сценария), которая необходима для искоренения коррупции. Это свидетельствует о широких масштабах распространения взяточничества в нашей области и неэффективности используемых методов борьбы с ним.

В Приложениях содержатся опросный инструментарий, использованный нами в исследованиях коррупции, а также статистические таблицы, графики и диаграммы.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих **публикациях автора**:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. *Куприянов, И.С.* Динамика бытовой коррупции в Ивановской области (по результатам социологического мониторинга 2008–2009 гг.) / И.С. Куприянов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Вып. 1. С. 180–184. ISSN 1998–0817 (0,25 п.л.).

2. *Куприянов, И.С.* Коррупционные практики населения региона: гендерный аспект / И.С. Куприянов // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3 (56). С. 36–46. ISSN 1992–2892 (0,6 п.л.).

3. *Куприянов, И.С.* Опыт эмпирической оценки эффективности антикоррупционной политики в регионе (на материалах Ивановской области) / И.С. Куприянов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия Социальные науки. Выпуск 1. Н.Новгород. Изд-во ННГУ, 2011. С. 52–57. ISSN 1993–1778 (0,5 п.л.).

Публикации в других научных изданиях

4. *Куприянов, И.С.* Проблемы измерения коррупции в России: некоторые методические подходы / И.С. Куприянов // *Социально-экономическое развитие современного общества в условиях реформ: Матер. Междунар. науч.-практ. конф.* Саратов, 10 декабря 2007 г. Часть 1. Саратов: Научная книга, 2008. С. 359–366. ISBN 978-5-9758-0605-5 (0,4 п.л.).

5. *Куприянов, И.С.* Бытовая коррупция в Ивановской области: социологический обзор / И.С. Куприянов // *Власть. Ивановская область*. 2009. № 8. С. 46–52 (0,5 п.л.).

6. *Куприянов, И.С.* Опыт социологических исследований коррупции / И.С. Куприянов // *Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития России: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 5* / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2009. С. 37–48. ISBN 978-5-89482-650-9 (0,6 п.л.).

7. *Куприянов, И.С.* Отражение проблемы коррупции в массовом сознании: опыт регионального исследования / И.С. Куприянов // *Государственное регулирование социально-экономических процессов в условиях глобального кризиса: Матер. Междунар. науч.-практ. конф.* Саратов, 30 марта 2009 г. Часть 1. Саратов: Научная книга, 2009. С. 228–231. ISBN 978-5-9758-1135-6 (0,25 п.л.).

8. *Куприянов, И.С.* Бытовая коррупция в Ивановской области: субъективные оценки населения / И.С. Куприянов // *Матер. докл. IV Междунар. молод. науч. конф. «Гинчуринские чтения»*. Казань, 22–24 апреля 2009 г. Т. IV / Казан. гос. энерг. ун-т. Казань, 2009. С. 42–43. ISBN 978-5-89873-215-8 (0,1 п.л.).

9. *Куприянов, И.С.* Антикоррупционная деятельность руководства Ивановской области глазами населения / И.С. Куприянов // *Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. «Состояние и перспективы развития электротехнологии: (XV Бенардосовские чтения)»*. Иваново, 27–29 мая 2009 г. Т. II / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2009. С. 187. ISBN 978-5-89482-568-7 (0,1 п.л.).

10. *Куприянов, И.С.* Социологические оценки бытовой коррупции в Ивановском регионе / И.С. Куприянов // *Матер. Первой Всеросс. конф. молодых ученых «Экономика, финансы и бизнес: проблемы и перспективы развития»*. Иваново, 18 февраля 2010 г. / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2010. С. 530–533. ISBN 978-5-89482-636-3 (0,1 п.л.).

11. *Куприянов, И.С.* Антикоррупционный потенциал населения Ивановской области: опыт социологической оценки / А.Ю. Мягков, И.С. Куприянов // Модернизационный потенциал регионов: сборник докладов и тезисов междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 14–15 октября 2010 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 84–85. ISBN 978-5-7807-0884-1 (0,1 п.л.).

12. *Куприянов, И.С.* Специфика бытовой коррупции в Ивановской области / И.С. Куприянов // Модернизационный потенциал регионов: сборник докладов и тезисов междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 14–15 октября 2010 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 356–357. ISBN 978-5-7807-0884-1 (0,1 п.л.).